



DOI: 10.22250/2072-8662.2018.4.126-130

Иванова И.И.



Канада на рубеже XX–XXI вв.: религиозные изменения как отражение миграционных процессов в стране

Аннотация. Коренными жителями в Канаде считаются только индейцы, а они составляют не более 2% населения. Это говорит о Канаде как о стране по преимуществу иммигрантской и потому богатой разнообразием языков, религий, культур. При этом анализ взаимосвязи религии и языка с конкретной этнокультурой позволяет заключить, что в условиях канадской иммиграции такая связь между религией и культурой отражает специфику последней гораздо сильнее, нежели связь между культурой и национальным языком. Начиная с рубежа XX–XXI вв.

Канада испытывает значительное усиление миграционных потоков и, соответственно, переживает изменения в религиозной картине. Так, если не учитывать традиционную религиозность индейцев, то можно утверждать, что за 1991–2001 гг. более всего увеличилось число мусульман (на 129%), а менее всего – иудеев (на 3,7%). Весьма значительно увеличилась численность представителей сербского православия, христианских древневосточных церквей, а также буддизма, индуизма, сикхизма. Протестантизм обнаруживает явную тенденцию к сокращению, а отказ от какой-либо религиозности вообще – к увеличению. Статистический анализ этой религиозной динамики позволяет руководящим структурам не только выявить действительные миграционные тенденции в стране, но и повысить эффективность государственного управления в целом.

Ключевые слова: Канада, этнокультурное разнообразие, религиозный плюрализм, религия и этнокультура, миграционные процессы, религиозная динамика

Irina I. Ivanova

Canada at the Turn of the 20th and 21st Centuries: Religious Dynamics as a Reflection of the Migration Processes in the Country

Abstract. Indigenous people in Canada are considered to be only Indians, and they make up no more than 2% of the population. This speaks of Canada as a country mainly immigrant and therefore rich in a variety of languages, religions, cultures. At the same time, the analysis of the relationship of religion or language with a particular ethnic culture allows us to conclude that, in the context of Canadian immigration, such a link between religion and culture reflects the specifics of a culture much more than the relationship between culture and the national language. Starting from the turn of the 20th and 21st centuries, Canada is experiencing a significant increase in migration flows and, accordingly, is experiencing changes in the religious picture. So, if we do not take into account the traditional religiosity of the Indians, then we can say that during 1991–2001 the greatest increase in the number of believers was observed among Muslims (by 129%) and the smallest increase took place among the Jews (by 3.7%). The number of representatives of Serbian Orthodoxy, Christian Oriental churches and Buddhism, Hinduism, Sikhism has increased considerably. The number of Protestants shows a clear tendency to decline, and the rejection of any religiosity increases. Statistical analysis of this religious dynamics allows the governing structures not only to identify the actual migration trends in the country, but also to improve the effectiveness of public administration in general.

Key words: Canada, ethnic culture multiplicity, religious pluralism, religion and ethnic culture, migration processes, religious dynamics

Иванова Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета; 720017, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Киевская, 44, КРСУ; ivanova_ii@mail.ru

Irina I. Ivanova – DSc (Philosophy), Professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University; KRSU, 44 Kievskaya str., Bishkek, Kyrgyzstan, 720017; ivanova_ii@mail.ru

Тесная взаимосвязь культуры с национальным языком не только позволяет говорить о существовании феномена этнокультуры, но и провоцирует искушение считать здесь язык фактором определяющим. Отсюда, кстати, появляются выражения «французская культура» вместо «франкоязычная культура», «арабская философия» вместо «арабоязычная философия» или «русское население» вместо «русскоязычное население». Не менее тесная взаимосвязь культуры с религией приводит к крайностям иного рода – утверждениям о происхождении «культуры от культа» и даже их отождествлению. Но поскольку саму такую взаимосвязь – культуры с языком или религией – отрицать невозможно, то тем более важно видеть её конкретные векторы. Например, профессор Университета Оттавы Р. Шокетт в своём культурно-историческом анализе, проведённом в работе «Канадские религии» (2004), выделяет такие аспекты развития канадской культуры, как государственно-церковные отношения [Choquette, 2004, 206–225], секуляризация [Choquette, 2004, 353–376], образовательная система [Choquette, 2004, 285–308], взаимосвязь иммигрантских этнокультур с конкретными религиями [Choquette, 2004, 401–402], но никак не языковой аспект.

Действительно, в условиях Канады связь между религией и этнокультурой отражает специфику последней гораздо сильнее, нежели связь между культурой и национальным языком. Сама система национального образования – этого базиса культуры в условиях цивилизационного развития – обязана своим происхождением религии, причём религии христианской, привнесённой, по своему происхождению иммигрантской: «В течение более чем четырёхвековой своей истории школы Канады были конфессиональными, то есть находящимися под влиянием конкретных христианских церквей» [Choquette, 2004, 307]. Даже в высшем профессиональном образовании, берущем начало в 1635 г. и обеспечиваемом до втор. пол. XX в. двадцатью семью колледжами и университетами, первое учебное заведение полностью светского характера появляется лишь в 1850 г. (Университет Торонто), а хоть сколько-нибудь заметное влияние таких образовательных учреждений наблюдается лишь с нач. XX в. [Choquette, 2004, 299]. Иными словами, для истории Канады исходной была следующая последовательность: сначала в той или иной форме приверженность религии, а затем получение высококвалифицированной профессиональной подготовки. И только благодаря корректировке иммиграционного законодательства в 1962, 1967, 1975, 1978, 1987, 1993 и 2001 гг., которая производилась из-за проблем в темпах прироста населения, появилось понятие профессиональной иммиграции, и стало меняться в сторону индифферентизма отношение не только к тому, в какой степени мигранты владеют государственными языками (за исключением иммиграции в Квебек), но и, главным образом, к тому, к какой расе или религии они принадлежат [см.: Владимирова, 2002].

При этом важно заметить, что коренными жителями в Канаде считаются только индейцы и эскимосы, которые составляют менее 2 % всего населения. Ежегодно население страны, насчитывающее сегодня 37 млн. человек [Население, <http://countrymeters.info/ru/CANADA>], возрастает на 1 % с небольшим, однако картина такого возрастания, если говорить о времени начиная с сер. XX в., выглядит в разные годы по-разному. Наивысшего пика прирост населения достигал в 1956 г. (2,83 %), самого низкого своего уровня – в 1999 г. (0,91 %) [Население, <http://countrymeters.info/ru/CANADA>]. Именно на рубеже XX–XXI вв. – в 1997–2003 гг. – прирост населения впервые оказался ниже 1 %, и именно в это время, особенно после трагедии, произошедшей в США 11 сентября 2001 г., зависимость благосостояния страны от количества и качества иммиграции приобрела свою предельную ясность. «... сейчас Канада принимает иммигрантов и беженцев больше, чем любая другая страна в соотношении с численностью её населения» [Владимирова, 2002, 120]. В самом деле, за счет внешних источников обеспечивается около двух третей ежегодного прироста населения [Население, <http://canadago.ru/wiki/naselenie-kanady>]. Это говорит о Канаде как стране по преимуществу иммигрантской и потому богатой разнообразием этносов, религий, культур.

Среди наиболее значимых причин канадской иммиграции – экономической, политической, образовательной, этнической и религиозной – главной стала экономическая,

и основным фактором принятия решений в миграционной политике Канады рубежа XX–XXI вв. стал ориентир на привлечение высококвалифицированных кадров. В первую очередь это сказалось на географии иммиграции: Китай, обогнав Индию, оказался на первом месте (в 1997 г. китайцы составляли 8% всех иммигрантов, в 1998 г. – 11 %, в 1999 г. – более 15 %), Пакистан – на третьем, Южная Корея – на пятом. Девятое место заняла Югославия: в основном из-за мигрантов, прибывших в Канаду в качестве беженцев. «В 2000 году всего в Канаду приехало 226837 иммигрантов, из них: из Китая – 36664 человека (16,2 %), из Индии – 26004 (11,5 %), из Пакистана – 14163 (6,2 %), из Филиппин – 10063 (4,4%), из Южной Кореи 7602 (3,4 %), из Шри-Ланки 5832 (2,6 %), из США – 5806 (2,6 %), из Ирана – 5598 (2,5 %), из Югославии – 4699 человек (2,1 %)» [Владимирова, 2002, 119]. Что касается иммиграции по религиозным мотивам, то таковая – по количеству переселенцев – оказывается наименее значимой и является для каждого мигранта в основном делом внутренним, поскольку Канада со своей политикой религиозного плюрализма давно лидирует среди стран, наиболее лояльных по отношению к религиозным конфессиям.

В то же время Канада, не имеющая официальной религии и в своей политической культуре опирающаяся на идею религиозного плюрализма, традиционно находится под влиянием христианства. И в общей религиозной картине страны, включающей христиан, мусульман, иудеев, буддистов, индуистов, сикхов, язычников и даже так называемых нерелигиозных (no religion), к нач. XXI в. христиане составляли подавляющее большинство – около 80 % населения [Choquette, 2004, 1–4, 379; *The Religions*, 2012, XI–XXVII]. При этом языческо-анимистские верования коренных жителей Канады хотя и обнаружили безусловную тенденцию к возрождению (число приверженцев этих верований за 1991–2001 гг. увеличилось в три с лишним раза), однако в общей религиозной картине едва ли превысили долю в 0,2 % [Choquette, 2004, 7–26; *The Religions*, 2012, 1–28]. Что касается канадских христиан, то доля католиков среди них составила 43,2%, протестантов – около 30 %, а представителей православия и древневосточных церквей – всего 1,4 %. Приверженцев нехристианских исповеданий – мусульман, иудеев, буддистов и пр. – оказалось чуть более 5%. Довольно весомый компонент составили нерелигиозные канадцы (16,2 % населения), то есть, условно говоря, атеисты, гуманисты, агностики [*The Religions*, 2012, 408; Choquette, 2004, 379].

Если посмотреть на религиозную картину Канады с точки зрения её динамики, то обнаружится, что на рубеже XX–XXI вв. наибольшими темпами увеличилось число язычников (на 281 %), анимистов (на 175 %), мусульман (на 129 %), христиан без строго фиксированной деноминации (на 121 %) и представителей сербского православия (на 109,5 %), а наименьшими темпами – число католиков (на 4,8 %) и иудеев (на 3,7 %). Весьма значительным был прирост среди индуистов (на 89 %), сикхов (на 89 %) и буддистов (на 84 %), а количество протестантов, особенно пресвитериан, в целом уменьшилось – на 8 % (исключение составили баптисты, мормоны, адвентисты, гуттериты, методисты и представители ряда евангелическо-миссионерских церквей). На этом фоне особенно рельефным стало выглядеть увеличение числа нерелигиозных лиц (на 44 %), или, по-другому, усиление в Канаде тенденции к религиозному индифферентизму [*The Religions*, 2012, 408]. С учётом же того, что совокупная доля язычников, анимистов и приверженцев сербского православия в общем составе канадского населения не превышает 0,3 %, говорить о безусловном увеличении числа верующих в стране рассматриваемого периода можно только относительно мусульман, христиан неопределённой деноминации, индуистов, сикхов и буддистов.

Аналогичная картина религиозной динамики, но взятая только в аспекте иммиграции, выглядит следующим образом. На рубеже XX–XXI вв. за счёт иммигрантов прирост католиков был обеспечен на 72%, христиан без фиксированной деноминации – на 23%, православных разного толка – практически на 100%, мусульман – на 84,5%, иудеев – на 100%, индуистов – на 85%, сикхов – на 65%, буддистов – на 62%, нерелигиозных – на 27% [*The Religions*, 2012, 424]. При этом иммигрантами-католиками были в основном приезжие из Филиппин, православными иммигрантами – выходцы из Греции и стран Восточной Европы, а иммигрантами, исповедующими

ислам, – пакистанцы, индонезийцы, иранцы. И поскольку в канадской статистике религий отсутствуют специальные этнические разделы, то остаётся не вполне ясной ситуация с религиозностью иммигрантов из Китая, хотя, как известно, лидерство в популяции рядов новых канадцев принадлежит именно им. Можно, однако, предположить, что китайские мигранты пополняют в основном нерелигиозную часть канадского населения. В самом деле, подавляющее большинство самих жителей современного Китая (77 %) считают себя неверующими, а традиционные для Китая даосизм, буддизм или конфуцианство принято относить к религиям весьма условно [Религия, <http://www.ruchina.org/religion.html>]. В то же время нельзя не заметить, что число иммигрантов, приехавших из Китая в 1991–2001 гг. (не менее 300 тыс.), вполне сопоставимо с числом всех канадских нерелигиозных иммигрантов этого периода (390 775 тыс.) [The Religions, 2012, 424].

Отдельного рассмотрения заслуживает также динамика иммиграции в Канаду православных верующих. Официальная статистика по этому поводу составлена таким образом, что крайне трудно выработать достаточно чёткое представление и о том, какие конкретно этносы входят в этот православно-миграционный поток, и о том, к каким церквям они относятся, и о том, действительно ли эти церкви имеют православный статус, и даже о том, насколько корректны те цифры в статданных, которые проходят по графам православной религиозности. Так, православным верующим в официальной канадской статистике, отражающей религиозность населения, посвящаются графы «Greek Orthodox» («Греческие православные»), «Orthodox not included elsewhere» («Православные, не включённые в прочие графы»), «Ukrainian Orthodox» («Украинские православные») и «Serbian Orthodox» («Сербские православные») [The Religions, 2012, 408–438]. При этом оговаривается, что к «Greek Orthodox» относятся также и представители Греческой католической церкви, а к «Orthodox not included elsewhere» – все, кто в анкете написал «православный», в том числе представители Армянской апостольской церкви (на самом деле относящейся к дохалкидонским древневосточным церквям), Болгарской православной церкви, Эфиопской православной церкви (относящейся к дохалкидонским древневосточным церквям) и Македонской православной церкви (относящейся к неканоническим православным церквям) [The Religions, 2012, 422]. Примечательно, что принадлежность к Русской православной церкви ни в одном из статистических разделов не оговаривается, а поэтому вызывают большое сомнение данные, которыми, скажем, оперирует М. Тульский, утверждая, что в 1991–2001 гг. численность верующих РПЦ выросла с 6,6 тыс. до 15,6 тыс. [Тульский, <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=fresh&id=109>].

Что касается действительных цифровых данных по православной динамике в Канаде, то, с одной стороны, за период 1991–2001 гг., согласно статистике, наблюдается безусловный рост общего числа православных верующих (на 84,8%) [The Religions, 2012, 408], а с другой, – число православных иммигрантов, прибывших за это время, почти в полтора раза (на 47,5%) превышает общий прирост верующих данной категории [The Religions, 2012, 424]. Объяснений в данном случае может быть два: либо в Канаде на рубеже XX–XXI вв. произошло резкое сокращение числа коренных православных верующих вследствие естественной убыли и эмиграции, либо статистические данные по православной религиозности населения составлены некорректно. Для полноты картины стоит добавить, что к началу XXI в. численность канадских православных возросла все-таки не повсеместно: она увеличилась среди представителей сербского православия (на 109,5 %) и православия неопределённого типа и древневосточных церквей (на 79,9 %), но уменьшилась среди православных греков (на 7,1 %) и приверженцев Украинской православной церкви (на 5,1 %). При этом совокупная доля представителей православия в общей численности канадского населения в это время не достигала даже 1,5 % [The Religions, 2012, 408].

В конечном итоге можно заключить, что религиозная динамика, происходящая в Канаде на рубеже XX–XXI вв., достаточно адекватно отражает этнокультурное разнообразие страны, её политику этнического и религиозного плюрализма, а также специфику миграционных процессов. Статистический анализ этой динамики служит для административных органов страны хорошим ориентиром в решении

социально-экономических задач, способствует повышению эффективности государственного управления в целом, позволяет прогнозировать будущее. Если же говорить о будущем самих канадских религий, то тут следует сослаться на мнение профессора Р. Шокетта, приведённое в книге «Канадские религии»: «У всех у нас есть множество проявлений – этнических, культурных, политических, экономических, религиозных, – это если обозначить только некоторые из них. Мы носим наши личины, словно разные слои одежды; при этом некоторые из них важнее других. На протяжении большей части истории Канады религиозная принадлежность была для большинства её жителей ключевым моментом в формировании идентификационного самосознания. Практически каждый ощущал себя либо католиком, либо протестантом, либо иудеем, etc. После 1960 г. такое положение вещей стало менее заметным. Однако перепись канадского населения 2001 г. показывает, что 84% канадцев по-прежнему осознают свою религиозную принадлежность. Приведут ли неоконсервативные ориентиры нашего общества к возрождению религиозного сознания и единения в ближайшие годы? Если да, то сделает ли это более заметным присутствие религии в жизни Канады и её влияние? Несомненно, канадцы в конце концов продолжают свой танец со своими религиями, которые укрепляют социальные устремления их паств...» [Choquette, 2004, 438].

Библиографический список

1. Владимирова, М.А. Законодательные основы иммиграционной политики Канады / М.А. Владимирова // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 9. – С. 109–121.
2. Население Канады [Электронный ресурс] // Canadago. – URL: <http://canadago.ru/wiki/naselenie-kanady> (дата обращения 13.02.2018).
3. Население Канады // Countrymeters [Электронный ресурс]. – URL: <http://countrymeters.info/ru/CANADA> (дата обращения 13.02.2018).
4. Религия в Китае [Электронный ресурс] // Россия и Китай: Азиатское иллюстрированное обозрение. О Китае. – URL: <http://www.ruchina.org/religion.html> (дата обращения 15.03.2018).
5. Тульский, М. Перепись 2001 года в Канаде: Во что верует страна? [Электронный ресурс] // Портал Credo.ru. – URL: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=fresh&id=109> (дата обращения 15.03.2018).
6. Choquette, R. *Canada's Religions: An Historical Introduction* / R. Choquette. – Ottawa: University of Ottawa Press, 2004. – 464 p.
7. *The Religions of Canadians* / ed. by J.S. Scott. – Toronto: University of Toronto Press, 2012. – 468 p.

Текст поступил в редакцию 29.04.2018.

References

1. Vladimirova M.A. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [The USA and Canada: Economics, Politics, Culture]. 2002, no. 9, pp. 109–121 (in Russian).
2. *Naseleniye Kanady* [Population of Canada]. Available at: <http://www.ruchina.org/religion.html> (accessed February 13, 2018) (in Russian).
3. *Naseleniye Kanady* [Population of Canada]. Available at: <http://countrymeters.info/ru/CANADA> (accessed February 13, 2018) (in Russian).
4. *Religiya v Kitaye* [Religion in China]. Available at: <http://www.ruchina.org/religion.html> (accessed March 15, 2018) (in Russian).
5. Tul'skiy M. *Perepis' 2001 goda v Kanade: Vo chto veruyet strana?* [The Census of 2001 in Canada: What Do the Country Believe in?]. Available at: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=fresh&id=109> (accessed March 15, 2018) (in Russian).
6. Choquette R. *Canada's Religions: An Historical Introduction*. Ottawa: University of Ottawa Press, 2004, 464 p. (in English).
7. *The Religions of Canadians*. Ed. by J.S. Scott. Toronto: University of Toronto Press, 2012, 468 p. (in English).